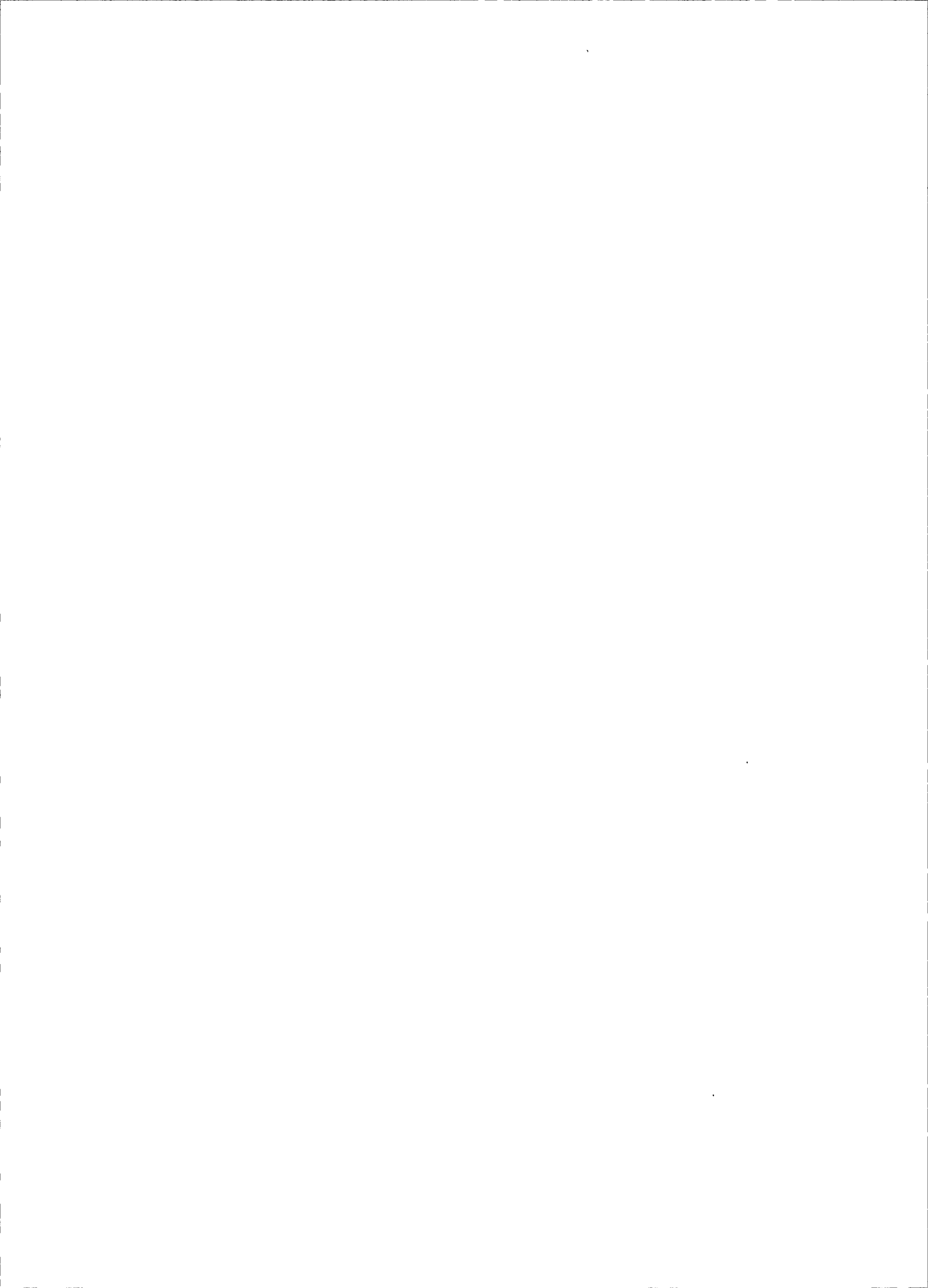
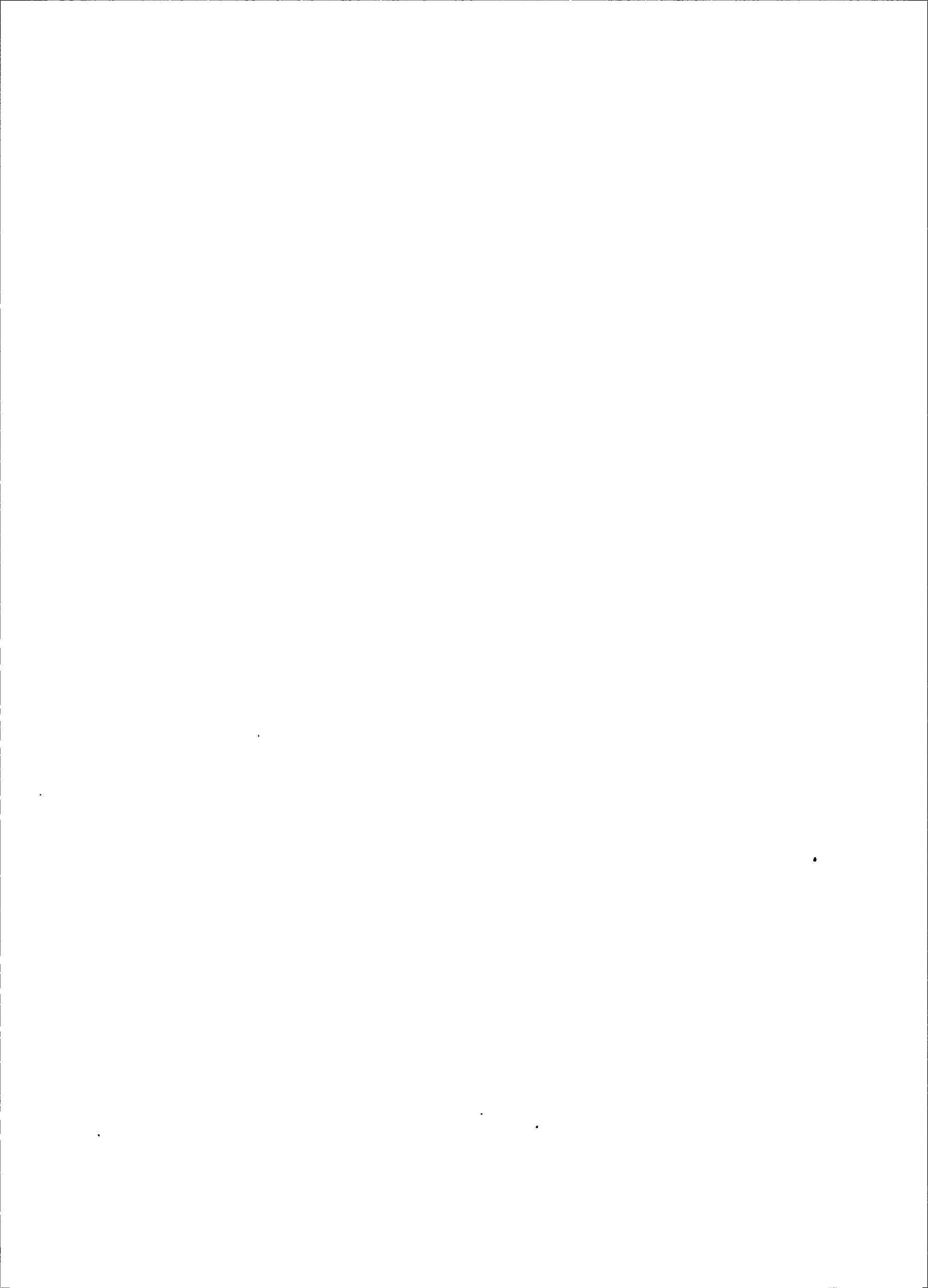
Ант. Ладинскій

ПЯТЬ ЧУВСТВЪ

Парижъ

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНІЕ ВЫПУСКАЕТСЯ ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 500 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ, ИЗЪ КОИХЪ 40 НУМЕРОВАННЫХЪ, ОТЪ № 1 — 40.





АНТ. ЛАДИНСКІЙ

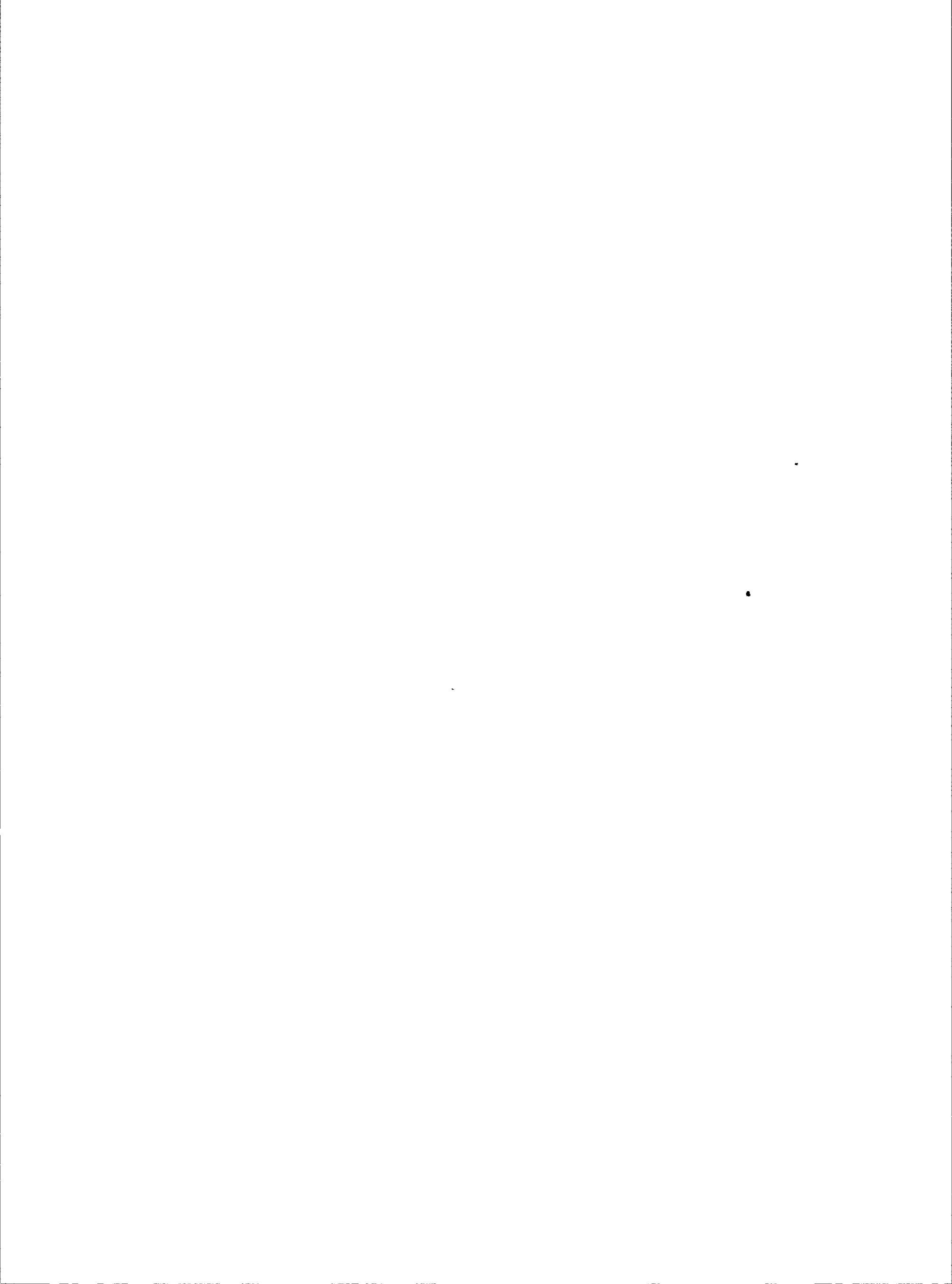
ПЯТЬ ЧУВСТВЪ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВЪ

ПАРИЖЪ

Printed in France.

ПЯТЬ ЧУВСТВЪ



Не надо грузными вещами
Загромождать свою судьбу:
Жизнь любитъ воздухъ, даже въ драмѣ,
Шумъ вѣтра, прядь волосъ на лбу.

Не домъ, на кладбище похожій,
А палка, легкое пальто,
И въ чемоданѣ желтой кожи
Веселое хозяйство то,

Что мы беремъ съ собой въ дорогу —
Весеннихъ галстуковъ озонъ,
Изъ чувствъ — дорожную тревогу,
Изъ запаховъ — одеколонъ.

1935.

НОВАЯ АМЕРИКА.

И. В. О.

1.

О первые знаки прекрасной и страшной эпохи...
О каравеллы... О желтые флаги чумы...
О подъ пальмой зачатая жизнь и любовные вздохи,
Пуританскіе громы, органы небесъ и псалмы.

Всѣ въ черныхъ одеждахъ и шляпахъ. Но чистъ этотъ бѣлый,
Какъ помыслы праведниковъ, отложной воротникъ.
Жизнь — море. Какъ ноевъ ковчегъ на волнахъ каравелла,
Доносится изъ темноты о спасеніи крикъ.

Но время течетъ не ручьемъ, а гигантскимъ потокомъ.
На гибель несчастнаго некогда намъ поглядѣть.
Уже онъ въ кипящей гееннѣ горитъ съ лжепророкомъ,
И ангельскихъ трубъ слышенъ голосъ — печальная мѣдь.

Вздувается парусъ дыханьемъ изъ огненной пасти.
О новый Израиль! О вопль псалмопѣвца средь слезъ!
Корабль вертоградомъ расцвѣлъ, корабельныя снасти,
Какъ струны давидовой арфы, какъ музыка грозъ.

Объята вселенная страшнымъ и дивнымъ пожаромъ.
Все громче органы ревутъ и псалмы пуританъ,
Все ближе Сіонъ — съ каждымъ новымъ небеснымъ
ударомъ,
Качается, какъ Немезиды вѣсы, океанъ.

А грѣшникъ — въ гееннѣ, и мельничный жерновъ
на выѣ.
Но въ часъ торжества невозможно никакъ позабыть,
Какъ были заплаканы эти глаза голубые,
Какъ голосъ взывалъ изъ пучинъ о желаніи жить.

2.

Міръ снова, какъ палуба въ черномъ густомъ океанѣ.
Подъ грохотъ ночныхъ типографскихъ свинцовыхъ страстей
Надъ пальмами солнце восходитъ, поютъ пуритане,
И утренній вѣтеръ сталъ гимномъ средь лирныхъ снастей.

Что мы покидаемъ навѣки? Немного.
Жилище, чернильницу, нѣсколько книгъ.
Что значитъ чернильница или берлога
Въ сравненьи, когда разставанія мигъ?

О это волненье на дымномъ вокзалѣ,
Когда чемоданы, какъ бремя несутъ,
О грохотъ багажныхъ телѣжекъ! Изъ стали —
Огромныя стрѣлки вокзальныхъ минутъ.

Терзаетъ, какъ червь, нашу душу сомнѣнье.
Кто правъ? Судія или ты, человѣкъ?
И въ хлопаньи крыльевъ орлиныхъ и въ пѣньи
Рождается новый мучительный вѣкъ...

3.

Мечтатель, представь себѣ нефтепроводы,
Летъ аэроплановъ и бремя трудовъ,
Дымъ топокъ, вокзаловъ и трубъ, пароходы
И бархатный гласъ пароходныхъ гудковъ.

Представь себѣ грузы, системы каналовъ,
Движенье атлантовъ до самой Москвы,
Пакгаузы фруктовъ, теплицы вокзаловъ,
Вулканы пшеницы, амбарные рвы.

Грохочутъ экспрессы средь тундръ и сіяній,
Трубятъ ледоколы въ торжественный рогъ.
Жизнь — трафикъ прекрасныхъ стѣнныхъ расписаній,
А рейсы — Архангельскъ и Владивостокъ.

Ты будешь такой — Вавилономъ, Пальмирой,
Иль Римомъ! Хотимъ мы того или нѣтъ.
Ты будешь прославлена музыкой, лирой,
Но будешь ли раемъ? Мужайся, поэтъ!

Вѣдь, можетъ быть, въ часъ торжества и обилія свѣта.
Подъ музыку гимновъ, органовъ, свирѣлей, псалмовъ,
Никто даже и не посмотритъ на гибель поэта
Въ кромѣшныхъ пучинахъ, въ гееннѣ кипящихъ валовъ.

1936.

Гдѣ теперь эти тонкія смуглыя руки,
Жаръ пустыни и тѣла счастливаго зной?
Гдѣ теперь караваны верблюдовъ и вьюки,
Гдѣ шатры и кувшины съ прекрасной водой?

Ничего не осталось отъ счастья въ Дамаскѣ:
Караваны верблюдовъ ушли на востокъ,
И резинка на розовой женской подвязкѣ
Натянула на стройную ногу чулокъ.

Но ты плачешь, и въ мірѣ холодныхъ сіяній
Говоришь, что тебѣ, какъ родная сестра, —
Эта женская страсть аравійскихъ свиданій,
На соломѣ и въ тѣсномъ пространствѣ шатра.

1936.

Какъ намъ не надоѣло это:
Не кровь, а сахарный сиропъ,
Не страсть, а легкость пируета,
Не смерть, а поза. Гдѣ же гробъ?

Жизнь трогательнѣе, больнѣе,
Печальнѣе во много разъ.
Какъ страшно: въ инеѣ аллея!
Ну, что жъ, пора! Который часъ?

Жизнь, это — слабый голосъ въ хорѣ,
Сердцебіенье наверху
Въ послѣднемъ съ музой разговорѣ
И пуля жаркая въ паху.

О, какъ невыразимо это —
Россія и предсмертный потъ,
Страданья мужа и поэта
Въ странѣ, гдѣ вѣчный снѣгъ идетъ.

1936.

Зима на сердцѣ у поэта
И слышенъ музъ озябшихъ плачъ,
А ты еще въ загарѣ лѣта,
У моря, гдѣ играли въ мячъ.

Теперь ты снова въ платьѣ тѣсномъ,
Въ закрытомъ платьѣ городскомъ
Все вспоминаешь о небесномъ
Соленомъ воздухѣ морскомъ.

И вижу море — путь опасный
Для кораблей, сердецъ и лиръ,
И тотъ спокойный и прекрасный,
Безоблачный счастливый міръ —

Міръ дѣвушки и христіанки,
Куда дороги вовсе нѣтъ
Для легкомысленной бѣглянки,
Для музы, для тебя, поэтъ...

Зима, а я услышалъ скрипку,
Заливъ увидѣлъ, какъ дугу,
Тебя, какъ золотую рыбку,
Лежащую на берегу.

1936.

Прислушайтесь къ органу мірозданья,
Къ хрустальной музыкѣ небесныхъ сферъ.
Пищитъ комаръ, и голосокъ созданья
Вливается въ божественный размѣръ.

Пчела гудитъ гитарною струною,
Поетъ на віадукѣ паровозъ,
И въ небѣ надъ счастливою землею
Милльоны птицъ, кузнечиковъ и осъ!

Какъ раковину розовую, къ уху
Прижмите горсть руки — о шумъ какой!
Старайтесь уловить вдали по слуху,
Какъ бьется міра цѣлаго прибой.

Нельзя ли, кумушки, хоть на мгновенье
О маленькихъ дѣлишкахъ помолчать:
Мы ангела въ эфирѣ ловимъ пѣнье,
А музыкѣ небесъ нельзя мѣшать.

1936.

УТРО.

Ты — городское утро. Косо
Лежащій на паркетѣ свѣтъ.
Ты — кофе съ булкой, папироса
И шорохъ утреннихъ газетъ.

Вода обильно льется въ ванной —
Источниковъ и трубъ напоръ,
Гдѣ полочка — ледокъ стеклянный,
А кафели — сіянье горъ.

И даже голосъ неприличный
Сталъ звонкимъ баритономъ вдругъ,
И запахъ мыла земляничный
Напомнилъ запахъ дѣтскихъ рукъ.

Съ утра за наше счастье битва
И сборы къ трудовому дню,
Скользитъ, оружье римлянъ, бритва,
Вдоль по точильному ремню.

И вотъ, слетѣвъ къ пчелинымъ стаямъ,
Съ небесъ, какъ въ розовомъ меду,
Прекраснымъ расцвѣтаетъ раемъ
Земное дерево въ саду.

Зачѣмъ такіе этимъ сливамъ,
Варенью, райскіе цвѣты?
Но будь нарядным и счастливымъ
Средь хлопотливыхъ пчелъ и ты,

Чтобъ сдать въ народные амбары
Пшеницу солнечныхъ холмовъ,
Для радостной души товары
И полные мѣшки стиховъ.

Въ чернильницу перо стальное
Ты обмакни по мѣрѣ силъ:
Навѣки дерево сухое
Садовникъ міра осудилъ.

1935.

Жестокая мудрость природы:
Червь листъ пожираетъ въ тоскѣ,
Самъ гибнетъ отъ птичьей породы,
А птица трепещетъ въ силкѣ.

Ты мнѣ закрываешь руками
Глаза, ничего больше нѣтъ.
Сквозь пальцы съ твоими духами
Сливается розовый свѣтъ.

Съ какой материнской заботой
Ты прячешь весь міръ отъ меня,
Боишься силками, охотой
Нарушить сіяніе дня.

Позволь мнѣ взглянуть на страданье,
Вѣдь гдѣ я увижу потомъ
Жестокихъ охотъ ликованье?
Нѣтъ бѣдствій въ краю гробовомъ.

1936.

Какія выбрать слова
Въ словесномъ морѣ?
Рычанье льва
Или паузы въ разговорѣ?

Чтобы и ты пролила
Прекрасныя слезы,
Красавица безъ тепла,
Бумажная роза.

Чтобы и ты надо мной,
Надъ моими стихами
Разразилась грозой,
Горошинами-слезами.

Но у куклы фарфоровой нѣтъ
Ни сердца, ни боли, ни сына,
Для куклы небо — паркетъ,
А слезы — изъ глицерина.

1936.

Т. А. Л.

Мы купимъ бѣлую большую яхту
И Африку прекрасно обогнемъ.
Пусть солнце хлынетъ въ угольную шахту,
Намъ надоѣлъ нашъ темный тѣсный домъ.

Нѣтъ, лучше мы поѣдемъ на раскопки,
А въ Сиріи, въ пустынѣ, — солнце, зной.
Вообразите бѣлый шлемъ изъ пробки
Надъ вашей бѣлокурой головой!

Вообразите простоту пейзажа:
Костеръ, палатка, каравана слѣдъ.
И день, когда таинственная ваза
Вдругъ явится изъ мусора на свѣтъ.

Хотите, мы на ледоколѣ съ вами
Предпримемъ грандіозные труды,
Гдѣ подъ трагическими небесами
Любовь — крушеніе, а сердце — льды?

И тамъ, въ чудесномъ холодѣ искусства,
Прижавшись близко, будемъ погибать,
Въ дневникъ записывать большія чувства,
Сигналы бѣдствія въ пространство слать?

Но Вы боитесь холода сонета,
Вамъ Африка милѣе во сто кратъ.
Вы любите оливы, пальмы, лѣто,
Загаръ, на солнцепекѣ виноградъ.

1935.

Труды людей и предпріятья пчелъ
И геометрія пчелиныхъ сотъ.
Постройка дома, прилежанье школъ,
Пшеничные амбары, воскъ и медъ.

О, какъ прекрасно это — строить домъ,
Пшеницу насыпать въ большой амбаръ,
Хозяйственной пчелою надъ цвѣткомъ
Трудиться, хлопотать въ полдневный жаръ!

Вотъ почему сквозь слезы мы глядимъ
На все, въ чемъ пользы нѣтъ, — на тлѣнъ стиховъ,
На безполезный фейерверкъ, на дымъ,
На ваше платье въ мишурѣ баловъ.

1936.

Вдругъ полюбила муза паровозъ,
Его бока крутые и дыханье,
Вращенье красное его колесъ,
Его огромнѣйшія разстоянья.

Когда онъ, оставляя дымный слѣдъ,
Проходитъ съ грохотомъ по віадуку,
Она ему платочкомъ машетъ вслѣдъ
И въ знакъ привѣтствія подъемлетъ руку.

На свѣтѣ всѣхъ счастливѣй машинистъ:
Онъ дышетъ этимъ воздухомъ вокзальнымъ,
Онъ слышетъ звонъ пространства, вѣтра свистъ
На перегонѣ дальнемъ тріумфальномъ.

И вотъ, въ агавахъ пыльныхъ за горой —
Романскій городокъ въ теплѣ зефира,
Гдѣ горожанка смуглою рукой
Беретъ билетъ въ окошечкѣ кассира.

1935.

Можетъ быть, ты живешь въ этомъ домѣ,
Надѣваешь прекрасное платье
Въ этотъ часъ, въ этомъ мірѣ зеркалъ.
Къ волосамъ изъ пшеничной соломы
Такъ подходитъ открытое платье,
Чтобы ѣхать въ театръ иль на балъ.

Ничего... Ни жестокихъ мученій,
Ни тяжелыхъ высокихъ сомнѣній,
Ни заломленныхъ въ ужасѣ рукъ.
Только сердца спокойнаго стукъ.

Только чистый провѣтренный воздухъ,
Только въ оранжерейномъ морозѣ
Плечи — мраморъ, какъ жаръ въ холодкѣ.
Только капля духовъ. И весь воздухъ
Сталъ подобенъ химической розѣ,
Одуванчикъ — пуховкѣ на жаркой щекѣ.

1937.

ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Да, не прочнѣе камень дыма,
И русскимъ голосомъ груднымъ
О камняхъ Іерусалима
Мы съ музой смуглой говоримъ,

А у нея гортанный голосъ,
И видѣлъ я на полѣ томъ,
Она склонилась, чтобы колосъ
Поднять, оставленный жнецомъ.

Все розовое въ этомъ мірѣ —
Дома и камень мостовой
Холмы и стѣны, какъ въ порфирѣ,
Какъ озаренные зарей.

Счастливецъ я! Бѣжавъ отъ прозы,
Уплывъ отъ всѣхъ обычныхъ дѣлъ,
На эти розовыя розы
Я цѣлый день съ горы смотрѣлъ.

1937.

АТЛЕТЪ.

Н. Н. Б.

Пшеница спѣетъ въ солнцѣ лѣта,
Въ амбаръ струится, какъ вода.
Спартанецъ легкій плащъ атлета
На землю сбросилъ безъ стыда.

Въ поту, на солнечной площадкѣ,
И улыбаясь — солнце, свѣтъ! —
Стоятъ лицомъ къ лицу, какъ въ схваткѣ,
Весь міръ и молодой атлетъ.

Какъ радостно онъ дышетъ міромъ,
Бросая въ крѣпкій воздухъ мячъ!
Отмѣтимъ летъ мяча пунктиромъ,
Улыбкою завистницъ плачъ.

Какъ высоко грудную клѣтку
Вздымаетъ марафонскій бѣгъ!
Протянемъ лавровую вѣтку
Всѣмъ, кто опережаетъ вѣкъ.

Не пища, не пищеваренье,
А только тѣло, воздухъ, звонъ,
Гдѣ пульсомъ кровообращенья
Холодный мраморъ оживленъ.

Олимпіада: воздухъ, лѣто,
Торжественный латинскій слогъ,
Легчайшая душа атлета,
Полетъ мяча и топотъ ногъ.

1936.

Ты — гадкій утенокъ, уродъ.
И нѣтъ у тебя ничего:
Ни силъ лебединыхъ, ни водъ,
Ни голоса, какъ у него.

Не крылья, а лужа. И въ нихъ
Кусочекъ далекихъ небесъ,
Такихъ непонятныхъ, какъ стихъ,
Такихъ невѣсомыхъ на вѣсъ.

Но даже за то, что тебѣ
Послали — за лужу, за носъ,
Такой неуклюжій! — судьбѣ
Ты былъ благодаренъ до слезъ.

Плѣнительный лебедь изъ рукъ
Въ балетномъ пространствѣ летитъ
Подъ музыку скрипокъ, и вдругъ
Громъ рукоплесканій гремитъ.

Весь міръ, какъ огромный цвѣтокъ.
Ты плачешь отъ счастья, безъ силъ,
При мысли, что хоть на часокъ
И ты этотъ міръ посѣтилъ.

1936.

АННА.

Средь бурь и прекрасныхъ ненастій,
Какъ мачта средь звѣздъ и морей,
Какъ гибкая ива во власти
Гитарныхъ кастильскихъ ночей,

Трепещетъ, склоняется Анна
Надъ синей и страшной водой
Плѣнительныхъ глазъ Донъ-Жуана,
Гдѣ міръ отразился пустой.

Не вѣрь никакимъ уговорамъ,
Мужскимъ непонятнымъ слезамъ,
Красивымъ и ловкимъ танцорамъ,
Поэтамъ и синимъ глазамъ —

Все только начало разлуки,
Ты будешь сгорать отъ стыда,
Ты будешь заламывать руки,
Покинутая навсегда.

О, въ шорохѣ платьевъ туманныхъ
Въ темницѣ своей кружевной
Останься для вздоховъ гитарныхъ
Запретной страной.

РОМАНЪ.

Ты — африканское объятье,
Ты — пальма, ты — высокій храмъ.
Ты въ черномъ шумномъ бальномъ платьѣ
По лѣстницѣ нисходишь къ намъ.

И съ легкомысленнымъ поэтомъ
Дыханье дѣлишь, пьешь вино,
Усталая передъ разсвѣтомъ
Ты говоришь: «Мнѣ все равно»...

Но угасаетъ жаръ романа,
Какъ тлѣнъ шампанскихъ пузырьковъ:
Увянутъ милыя румяна,
Умолкнетъ музыка баловъ.

Ты располнѣешь въ жизни душной,
У мужа въ клѣткѣ золотой,
Ты станешь теплой, равнодушной,
Благополучной и земной.

Мѣняетъ голоса эпоха.
А легкомысленный поэтъ?
Навѣрное, онъ кончитъ плохо
Среди своихъ житейскихъ бѣдъ.

И прочитавъ о томъ въ газетѣ,
Твой мужъ, солидный человѣкъ,
Вздохнетъ и скажетъ о поэтѣ:
— Стихи въ американскій вѣкъ...

1937.

ВѢРНОСТЬ.

Въ слезахъ, въ одиночествѣ вѣчномъ,
Въ терзаніяхъ — ночи безъ сна,
Въ прекрасномъ порывѣ сердечномъ
Склоняется къ слабымъ она.

Какъ Троя, какъ крѣпость въ осадѣ,
Въ которой воды больше нѣтъ.
Представленъ къ высокой наградѣ
Ея комендантъ и поэтъ.

О, вѣрность и умъ коменданта
Отмѣчены на небесахъ:
Безсмертьемъ — душа, и талантомъ,
Звѣздою алмазною — прахъ.

И новая тамъ Андромаха
Стоитъ на высокой стѣнѣ,
Взираетъ на битву безъ страха
Въ прелестной своей тишинѣ.

Ты, льющая слезы надъ тѣломъ,
Когда погибаетъ герой,
Зачѣмъ ты къ нему не слетѣла
На помощь средь битвы такой?

Зачѣмъ не склонилась спасеньемъ
Къ слабѣйшему, къ мукамъ такимъ,
Его не оплакала пѣньемъ
И не разрыдалась надъ нимъ?

1937.

КОЛОДА КАРТЪ.

1.

Въ колодѣ 52 карты.
Это — Наварра и Арагонъ,
Францiя, роза Декарта,
И Кастилiя — гитарный звонъ.

Четыре короля и дамы,
Строй пикъ и сердецъ.
Зеленыя поля и храмы,
Гдѣ золотой телецъ.

Четыре игральныхъ масти:
Кастилiи каравельный флотъ,
Въ Атлантикѣ божьи страсти,
Гдѣ «Санта-Марiя» плыветъ...

2.

И въ золоченой каретѣ
(Не профиль, а богъ, медаль)
Людовикъ — какъ на монетѣ —
Ѣдетъ въ прохладный Версаль.

О лиліи тучныхъ бурбоновъ
И подъ глазами мѣшки!
О фаворитокъ и троновъ
Въ темныхъ боскетахъ грѣшки!

А если звонъ шпаги,
Взмахъ шляпы съ перомъ и поклонъ,
И глотокъ изъ плетеной фляги,
Это — Наварра и Арагонъ.

Но смерть голубую колоду
Тасуетъ костяшками рукъ,
Ставка — жизнь за свободу.
Угодно, любезный другъ?

3.

И потирая руки,
Садится блѣдный игрокъ,
Сначала такъ, отъ скуки,
Потомъ вызывая рокъ.

И въ этой схваткѣ съ рокомъ
Все кажется сквозь туманъ,
Что золото тяжкимъ потокомъ
Течетъ въ дырявый карманъ.

Но смерть прикупаетъ къ восьмеркѣ.
Тузъ! И во цвѣтѣ лѣтъ
Гибель на апельсинной коркѣ.
Девятка, и вашихъ нѣтъ!

И республика въ бурѣ ломаетъ
Лиліи и дубы,
Карточный домикъ сдуваетъ
Съ зеленыхъ полей судьбы.

1937.

ШУМЪ ПЛАТЬЯ...

Шумъ платья на балу, — какъ парусина
Высокихъ и прекрасныхъ парусовъ,
Шумъ корабля... А мачты — древесина
Воспѣтыхъ столько разъ дубовъ...

Ты — роза! Въ бальной залѣ
Ты поднимаешь радостно бокалъ,
И пузырьки рождаются въ бокалѣ,
Въ шампанскомъ, въ царствѣ люстръ, зеркалъ.

Но міръ другой — огромный и печальный —
Бушуетъ тайно за твоимъ челомъ.
И даже въ суматохѣ бальной
Нельзя забыть подъ музыку о немъ.

И вспомнивъ про моря, дожди и слезы,
Ты умолкаешь... Облака плывутъ...
И двѣ слезы, какъ маленькія дозы
Соленыхъ водъ, изъ глазъ твоихъ текутъ...

1937.

ПОЭМА О ДУБѢ.

I.

Тростникъ въ зефирѣ вдохновенья
Трепещетъ, гнется, слезы льетъ.
Онъ существуетъ, онъ — растенье,
Онъ мыслитъ, чувствуетъ, живетъ.

Тростинка слабая не можетъ
Бороться съ Богомъ: прахъ и тѣнь.
Благоразуміе отложитъ
Копеечку на черный день.

Какъ въ школьной баснѣ Лафонтена:
Склонись, о смертный, предъ судьбой,
Чтобъ долго жить, чтобъ въ царствѣ тлѣна
Украсилъ мраморъ путь земной.

II.

Предпочитаю гибель дуба
Средь молній и орлиныхъ силъ,
Прекрасный голосъ, громы, трубы,
Трезубецъ бури, шумъ вѣтрилъ!

Предпочитаю шагъ нелѣпый,
Шумъ черныхъ платьевъ на балу,
И дубъ, разбитый небомъ въ щепы,
Любви трагической золу.

Привѣтствую удары грома,
Милльонные тиражи книгъ,
Народъ средь бури ипподрома
И птицъ стальныхъ моторный крикъ.

Или въ классической манерѣ:
Минервы вѣтвь, перуновъ гласъ,
И лавръ и перси юной дщери —
Героямъ, посѣтившимъ насъ.

III.

Душа, ты счастье, гибель, муки
Раздѣлишь съ тѣмъ, кто одинокъ,
Съ рабомъ фракiйскимъ, что разлуки
Перенести въ плѣну не могъ.

Съ тѣмъ звѣремъ, что въ послѣдней драмѣ,
Уже сраженный тучей стрѣлъ,
Затравленный навѣки псами,
Сражался, умиралъ, хрипѣлъ.

Съ тѣмъ кораблемъ (о моря влага!)
Что подъ огнемъ эскадръ, въ аду,
Не опустилъ на мачтѣ флага,
А предпочелъ пойти ко дну.

Такъ дубъ шумѣлъ на полѣ зрѣнья
Подъ христiанскимъ небомъ бурь,
Не вѣря, не ища спасенья
И не надѣясь на лазурь.

Но ты теченiю покоя
Бiенье сердца предпочелъ
И бiографiю героя
Вознѣ трудолюбивыхъ пчелъ.

IV.

Нашъ климатъ — музы и стихіи.
Я посѣтилъ сей страшный міръ
Въ его минуты роковыя,
Я раздѣлилъ съ богами пиръ.

Я видѣлъ близко гибель Рима,
На стогнахъ травку, гдѣ сенатъ,
Эскадру кораблей средь дыма...
Галеры? Дымъ изъ трубъ? Закатъ?

Я видѣлъ дубъ въ бореньяхъ бури,
Въ сіяньи молній голубыхъ,
Геракла, бьющагося въ шкурѣ,
И часъ, когда герой затихъ.

V.

Зачѣмъ ты арфа, а не доски!
Ты былъ бы мирнымъ кораблемъ,
Носилъ бы синія матроски,
Пришли бы тараканы въ домъ.

Мой братъ, я видѣлъ, какъ безъ слова
Торжественно ты погибалъ
Подъ громъ «Бориса Годунова»
Среди лѣсныхъ концертныхъ залъ.

Мой братъ, въ желѣзной страшной клѣткѣ
Металась буря бытія,
И сорванный съ родимой вѣтки,
Кружился въ этой бурѣ я.

Насъ погубила буря эта,
Шумъ платья на балу пустомъ,
И слабость бѣднаго поэта —
Мѣдь музыки и счастья громъ.

А вы, тростникъ благоразумный,
Склонитесь же (въ который разъ),
Чтобъ уцѣлѣть средь бури шумной.
Вы всѣхъ переживете насъ.

1937.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

1.

Ты — странный міръ, гдѣ руки,
Какъ ледъ, и пламень — ротъ.
Гдѣ люди терпятъ муки,
И вѣчный снѣгъ идетъ.

Гдѣ путникъ въ упоеньи
Твердитъ предъ смертью стихъ,
Внимая въ отдаленьи
Призывамъ арфъ твоихъ.

Ты — странный міръ, гдѣ груди
Ледокъ, а сердце — садъ.
Гдѣ погибаютъ люди:
Въ цвѣткѣ смертельный ядъ.

На картѣ приключеній
Ты — царство пихтъ для насъ,
Край сѣверныхъ оленей,
Ты — атласъ, гдѣ атласъ.

Но въ стужѣ міроздянья,
Средь ночи міровой,
Какъ тушь для рисованья,
Чернѣющей, глухой,

Ты все, что есть въ поэтѣ
Съ небесъ, небесный страхъ,
Смерть лебедя въ балетѣ
И Моцартъ, весь въ слезахъ...

2.

Жилъ смуглый и печальный
Въ Аравіи поэтъ.
Журчалъ фонтанъ хрустальный
Въ садахъ его побѣдъ.

Онъ алгеброю хляби
Поэзіи свѣрялъ,
Другъ звѣздъ и астролябій,
Шатровъ и книжныхъ залъ.

Вращался глобусъ въ залѣ
Планетой голубой,
И звѣзды озаряли
Въ пустынѣ путь земной.

Шелъ караванъ верблюдовъ.
И не было воды
На донышкѣ сосудовъ.
О жажда! Гдѣ жъ сады?

Какъ пальму или воду
Тебя искалъ арабъ,
Какъ воздухъ и свободу
Галерный ищетъ рабъ.

Оазисъ въ отдаленьи
Возникъ — глазамъ обманъ.
Какъ робкое волненье,
Газель мелькнула тамъ.

И онъ съ тоской газели
Твои глаза сравнилъ,
Уже средь пальмъ, у цѣли,
Уже совсѣмъ безъ силъ.

3.

Я тоже въ катастрофѣ
Отъ молній погибалъ,
Но не за чашкой кофе,
Не средь арабскихъ залъ,

А въ хладѣ упоенья,
Средь сѣверныхъ земель,
Гдѣ смертнымъ утѣшенье
Олень, а не газель.

Верблюдъ или пирога,
Снѣгъ или виноградъ,
Одна у насъ дорога,
Соперникъ и собратъ —

Гдѣ музыка и пени,
Гдѣ арфы, слезы, ледъ,
Гдѣ пальмы и олени,
И тихо снѣгъ идетъ.

1936.

АЛЕКСАНДРЪ.

I.

Восторженное щебетанье
Наивныхъ школьницъ и птенцовъ.
Счастливое существованье
Самодовольныхъ и глупцовъ.

Все, что считается нормальнымъ
Благоразумнымъ бытіемъ —
Въ теплѣ печномъ и одѣяльномъ
Спанье, ѣда, пилюль пріемъ.

Какъ будто ночь въ росѣ, въ крапивѣ,
Не слаще нѣги полотна?
Какъ будто — съ гробомъ въ перспективѣ —
Безсонница глупѣе сна?

II.

Жизнь, ты — разбитое корыто,
Свинья подъ дубомъ, теплый хлѣвъ.
Еще — ослиное копыто
И зубы потерявшій левъ.

О, вся пустыня трепетала,
А кони испускали храпъ,
И львица низко приползала,
Ложилась у прекрасныхъ лапъ,

Когда ревѣлъ онъ въ львиной страсти
И мускулами живота
Гналъ воздухъ изъ горячей пасти,
Хлесталъ песокъ свинцомъ хвоста.

Какъ наполнялись кислородомъ
Его ребристые бока!
Какъ онъ запомнился народамъ
На всѣхъ гербахъ, во всѣ вѣка!

Но смуглая дщерь Измаила
На эту шкуру не легла,
Напрасно сердце не пронзила
Ему арабская стрѣла.

Съ послѣдней воздуха затяжкой
Зачѣмъ не умеръ онъ, взревѣвъ!
Теперь питайся манной кашкой,
Беззубый и плѣшивый левъ.

III.

Иной была жизнь Александра —
Смерть въ Персіи, въ расцвѣтѣ лѣтъ,
Какъ буря, въ молніяхъ меандра
На пурпурномъ плащѣ побѣдъ.

О смертный, не играетъ роли
Количество въ судьбѣ людей:
Здѣсь музыка сильнѣе боли,
А роза больше многихъ тлей.

Есть въ жизни только два рѣшенья
И надо выбирать спѣша:
Міръ — маленькое уравненье
И — гибель, музыка, душа.

На выборъ, сынъ: судьба героя
И пурпуромъ прикрытый прахъ,
Иль только мѣсто въ общемъ строѣ,
За бытіе привычный страхъ.

Смерть рано иль писца забота,
Весь міръ иль пузырекъ чернилъ,
Олимпъ иль скифская мерзлота,
Никея иль спина безъ крылъ.

Зачѣмъ, грудь дѣвушки волнуя,
Мы не погибли въ двадцать лѣтъ,
Соединяясь въ поцѣлуѣ.
Но Александру равныхъ нѣтъ.

1937.

СТИХИ О КАВКАЗѢ.

Г. В. Завадовской.

1.

Я воспѣваю горныя вершины,
Страну высокихъ подвиговъ — Кавказъ,
Полетъ орла, Ермолова сѣдины,
И молніи его суровыхъ глазъ.

Я воспѣваю голубыя горы,
Что на пути поэта, средь стиховъ,
Вдругъ возникаютъ, какъ большіе хоры,
Какъ музыка и какъ органа ревъ.

Какъ очутилась ты средь горъ? Не знаю.
Ты — тишина и буря, двѣ сестры.
Сіянье женскихъ глазъ и пальмы рая,
Я встрѣтилъ ихъ, уже сходя съ горы.

2.

Шумитъ Арагва въ каменномъ ущельѣ,
Прекраснымъ шумомъ потрясая слухъ,
Дымитъ аулъ и дремлетъ отъ бездѣлья,
На водопой ведетъ овецъ пастухъ.

И дѣва горъ легчайшею стопою
Съ кувшиномъ на плечѣ къ ручью идетъ,
Сосудъ наполнивъ звонкою струею,
Она о русскомъ плѣнникѣ поетъ.

И на почтовой станціи Печоринъ,
Пока мѣняютъ слуги лошадей, —
Разочарованъ, блѣденъ, непокоренъ,
Въ пустыхъ мечтахъ о Персіи своей.

А Лермонтовъ, въ строю, въ фуражкѣ бѣлой,
Въ армейскомъ сюртукѣ безъ эполетъ,
Все смерти ищетъ, райскаго предѣла,
Но смерти для безсмертныхъ въ битвѣ нѣтъ.

А мой Кавказъ? Гдѣ выси перевала,
Арагвы шумъ, полетъ орла, свинецъ?
Кто мой Мартыновъ? Кто царица бала?
Вѣдь каждому изъ насъ — такой конецъ.

3.

Цвѣла въ Тифлисѣ роза, какъ въ теплицѣ,
И украшали нѣжной чернотой
Грузинскую красавицу рѣсницы,
Которымъ нѣтъ подобныхъ подъ луной.

На холмахъ Грузіи она взростала,
Соперничала тамъ съ Лопухиной,
И на балахъ намѣстника блистала
Плѣнительной и смуглой худобой.

И самъ старикъ — въ алмазахъ, въ звѣздахъ, въ ранахъ,
Крутилъ свой длинный бѣлый усъ, вздыхалъ,
Когда она, вся въ голубыхъ воланахъ,
Подъ музыку входила въ бальный залъ.

Трепещетъ дѣва слабою тростинкой
Средь горныхъ бурь, гдѣ слышенъ пушекъ гулъ.
Она клонилась тоненькой грузинкой,
Къ ней русскій воинъ руки протянулъ.

И въ шумѣ бала, въ музыкѣ изъ рая,
Ту красоту воспѣлъ въ стихахъ поэтъ,
Тѣ длинныя рѣсницы прославляя,
Тѣ перси смуглыя въ семнадцать лѣтъ.

Примѣръ солдата — вѣрность, постоянство.
Стояла крѣпость — пороху зарядъ,
Утесъ имперіи и христіанства,
Максимъ Максимычъ, пушка, горсть солдатъ...

И помните, какъ въ дымной саклѣ Бэла,
Когда въ аулѣ пировалъ народъ,
Для молодого офицера пѣла,
Его сравнила съ тополемъ высотъ,

Какъ съ возвышенья крѣпостного вала
Казалась ей печальною земля,
Какъ плакала она и умирала,
Послѣдній вздохъ съ возлюбленнымъ дѣля.

Вы помните, какъ лучшія страницы
Одной строкой другая превзошла
На бѣлой грибоѣдовской гробницѣ:
— Зачѣмъ пережила любовь моя...

Не плѣнники съ поникшими главами,
Не табуны коней въ большомъ числѣ,
А дѣвушка съ персидскими глазами,
Которую увозятъ на конѣ.

Пою, Кавказъ, твою войну за это
И горъ твоихъ туманныхъ молоко,
За то, что лиру русскаго поэта
Они настраивали высоко.

Съ кѣмъ вы теперь, о горы вдохновенья?
Какой поэтъ на васъ глядитъ въ слезахъ?
Все продолжается орловъ паренье,
Прославленъ въ смуглой красотѣ Аллахъ,

И дѣва горъ съ кувшиномъ за водою
Идетъ, какъ раньше, къ милому ручью,
Но сталъ печальнымъ голосъ за горою,
И битва жизни кончилась въ ничью.

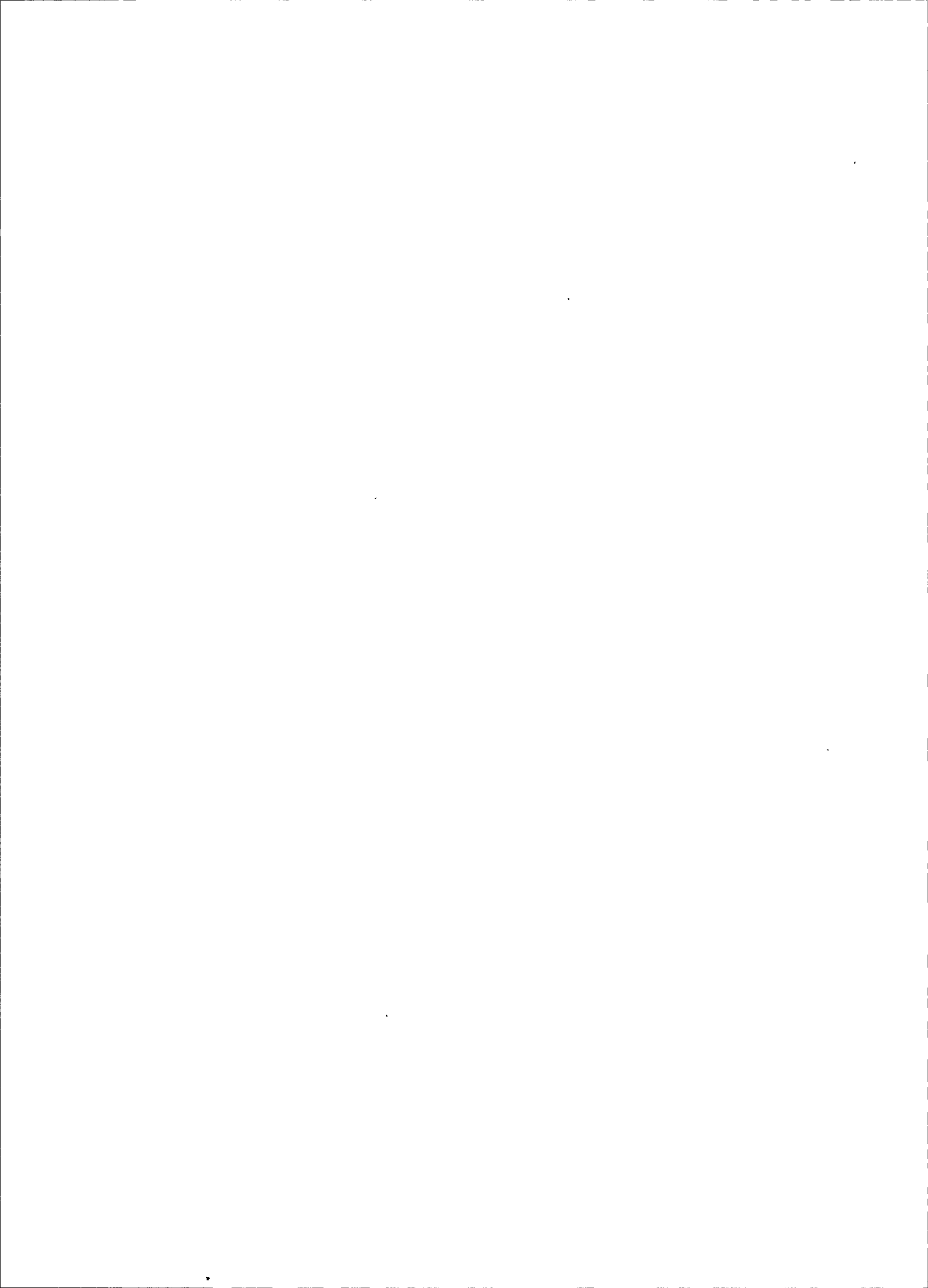
Набѣгъ былъ неудаченъ для героя:
Свѣтила слишкомъ яркая луна,
Въ аулъ вернулась половина строя,
И смерть въ сраженьи — храбрецу цѣна.

Витаетъ высоко душа поэта —
Прекраснѣе нѣтъ цѣли для стрѣлка.
И со свинцомъ въ груди — Арагва? Лета? —
Онъ слушалъ, какъ шумитъ стиховъ рѣка.

Но покидая міръ (въ дорогу сборы!)
Гдѣ плѣнникомъ томился столько лѣтъ,
Благодарилъ онъ голубыя горы
За страсть, за голосъ дѣвы, шумъ побѣдъ.

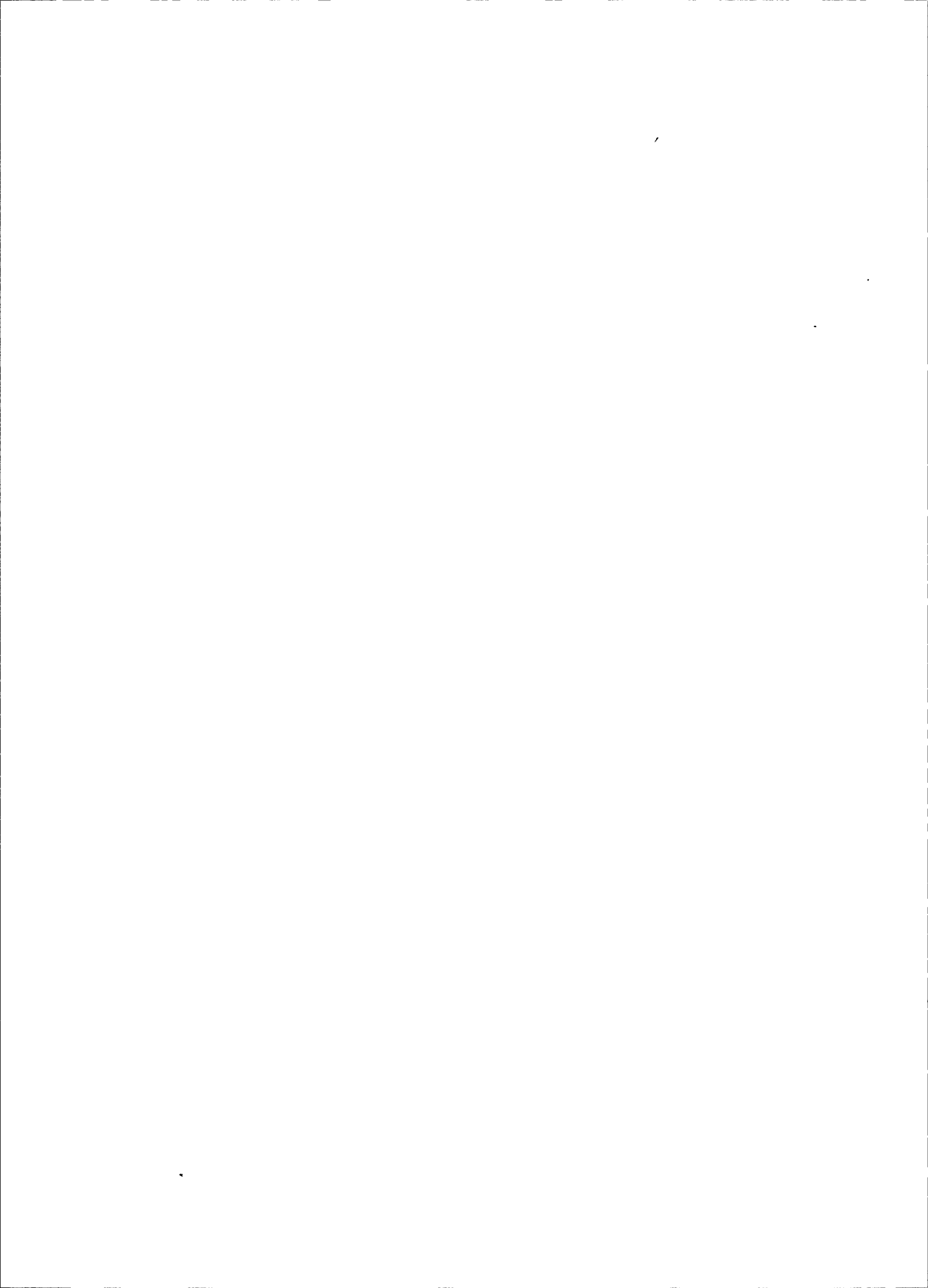
Журчитъ ручей, подобенъ горной флейтѣ,
И наполняетъ влагою сосудъ.
О дѣвы горъ, несите, не пролейте,
Нести кувшинъ — такой прелестный трудъ.

1938.



ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Не надо грузными вещами	7
Новая Америка	8
Гдѣ теперь эти тонкія смуглыя руки	12
Какъ намъ не надоѣло это	13
Зима на сердцѣ у поэта	14
Прислушайтесь къ органу міроданья	15
Утро	16
Жестокая мудрость природы	18
Какія выбрать слова	19
Мы купимъ бѣлую большую яхту	20
Труды людей и предпріятья пчелъ	22
Вдругъ полюбила муза паровозъ	23
Можетъ быть, ты живешь въ этомъ домѣ	24
Въ Іерусалимѣ	25
Атлетъ	26
Ты — гадкій утенокъ	28
Анна	29
Романъ	30
Вѣрность	32
Колода картъ	34
Шумъ платья	37
Поэма о дубѣ	38
Географическая поэма	43
Александръ	48
Стихи о Кавказѣ	53



ТОГО ЖЕ АВТОРА

«Черное и Голубое» — стихи (изд. «Современныя Записки»). (Разошлось).

«Сѣверное Сердце» — стихи (изд. «Парабола»).

«Стихи о Европѣ».

«XV легіонъ» — романъ (изд. «Русская Книга»).

«Путешествіе въ Палестину» — путевые очерки.

«Голубь надъ Понтомъ» — романъ (изд. «Русская Книга»).

Imprimerie de NAVARRE — 5, rue des Gobelins, Paris-13e.

Складъ изданія:
LES EDITEURS REUNIS
29, Rue Saint-Didier
PARIS (XVIe)